

РАЗРУШАЯ ДЕМОКРАТИЮ: РЕ-КОНСТИТУИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА И СУБЪЕКТА НЕОЛИБЕРАЛИЗМОМ¹

Венди Браун

Данная книга представляет теоретическое осмысление способов, которыми неолиберализм как особая форма рациональности задает конфигурацию всем аспектам существования в экономических терминах, при этом незаметно разрушая базовые элементы демократии. Эти элементы включают словари, принципы правосудия, политическую культуру, привычки гражданства, практики управления и прежде всего демократическое воображаемое. Моя аргументация состоит не только в том, что рынки и деньги способствуют вырождению демократии, что политические институты и результаты их деятельности все больше управляются финансовым и корпоративным капиталом или что демократию вытесняет плутократия – правление богатых в интересах богатых. Скорее, неолиберальная рациональность, сегодня повсеместная – в государственном управлении и на рабочем месте, в юриспруденции, образовании, культуре, в широком спектре повседневных занятий, – отчетливо превращает *политические* характер, значение и действие конституирующих элементов демократии в *экономические*. Либеральные демократические институты, практики и привычки могут не пережить этой трансформации. Как и радикальные демократические мечты. Поэтому данная книга описывает и тревожное нынешнее состояние, и потенциальную скудость будущих демократических проектов, содержащихся в этом тревожном настоящем. Институты и принципы, нацеленные на обеспечение демократии, подпитывающая ее культурная среда, энергии, наполняющие ее жизненной силой, и граждане, практикующие ее, переживающие за нее и стремящиеся к ней, – все это подрывается неолиберальной «экономизацией» и политической жизни, и других, ранее не экономических, сфер и практик.

Какова связь между выхолащиванием современной либеральной демократии неолиберализмом и ее разрушением более радикальными демократическими воображаемыми? Либеральные демократические практики и институты почти всегда проваливают свои обещания, а иногда жестоко их извращают, тем не менее либеральные демократические принципы поддерживают и держатся на разделяемых универсальных идеалах свободы и равенства, а также на прин-

¹ © 2015 Wendy Brown ZONE BOOKS.

ципе политического правления народом в интересах народа. Большинство других формулировок демократии разделяет эти идеалы, интерпретируя их в другом ключе и часто пытаясь реализовать их более основательно, чем это позволяют формализм, приватизм, индивидуализм и относительная лояльность к капитализму со стороны либерализма. Однако же, если, как предполагает данная книга, неолиберальная рациональность устраняет эти идеалы и желания из реально существующих либеральных демократий, с какой платформы могут быть запущены более амбициозные демократические проекты? Как можно разжечь желание большей и лучшей демократии из груды пепла его буржуазной формы? С чего бы народы должны хотеть или искать демократии в отсутствие даже ее эфемерного либерально-демократического воплощения? И что в де-демократизированных субъектах и субъективностях будет вызывать томление по этому политическому режиму, томление, не обусловленное ни изначально, ни культурно этими историческими условиями? Эти вопросы являются напоминанием, что проблема поиска и построения демократии – какие люди и культуры могут стремиться к этому – далека от того, чтобы касаться преимущественно не-западного мира. Она задает направление движения для современного Запада. Демократия может быть разрушена, выхолощена изнутри, а не только отброшена или загнана в угол противниками демократии. И стремление к демократии не является ни данным априори, ни неподвластным разрушению. На самом деле даже теоретики демократии, такие как Руссо и Милль, отдавали себе отчет в сложности культивирования демократических настроений на материале европейского модерна².

Любая попытка теоретизировать отношения демократии и неолиберализма наталкивается на проблему многозначности и неясности содержательного наполнения обоих слов. «Демократия» принадлежит к наиболее часто оспариваемым и неоднозначным понятиям в нашем современном политическом словаре. В воображении обывателя «демократия» обозначает все что угодно – от свободных выборов до свободного рынка, от протестов против диктаторов до закона и порядка, от основоположности прав до стабильности государств, от голоса упорядоченного большинства до защиты индивидуальности и недопустимости навязывания воли толпы. Для некоторых демократия – это жемчужина Запада; для других – это то, чего на самом деле на Западе никогда не существовало, или же то, что служило глянцевым прикрытие импер-

² Оценка Ж.Ж. Руссо сложности конструирования демократических субъектов на материале модерна представлена в развитии его мысли от «Разговора о неравенстве» к «Общественному договору». В труде «О свободе» Дж. Ст. Милль прямо утверждает, что мы все хотим свободы, индивидуальности и толерантности для себя, но менее склонны предоставлять это другим (J. S. Mill: *On Liberty and Other Writings*, ed. Stefan Collini, Cambridge: Cambridge University Press 1989, 11, 16).

ских стремлений Запада. Демократия представлена в настолько широком многообразии – социальная, либеральная, радикальная, республиканская, представительная, авторитарная, прямая, партиципаторная, делиберативная, плебисцитная, – что подобные заявления часто представляют разговор с самим собой. В политологии исследователи-эмпирики пытаются зафиксировать содержание термина шкалами и значениями, которые политические теоретики оспаривают и проблематизируют. В рамках политической теории ученые в разной степени не удовлетворены современной монополией на «демократическую теорию» одной версии (либеральной) и одного метода (аналитического).

Даже греческая этимология «демократии» провоцирует двусмысленность и дискуссию. «Демос» / «кратия» переводится как «люди управляют» или «власть народа». Но кто считался «людьми» в древних Афинах? Владеющие имуществом? Бедные? Неучтенные? Многие? Это было предметом обсуждения в самих Афинах, поэтому Платон считал демократию близкой к анархии, в то время как Аристотель рассматривал ее как власть малоимущих. В современной континентальной теории Джорджо Агамбен указывает на неизменную двойственность (которая «не случайна»), связанную со словом «демос», относящемуся и к политическому целому, и к малоимущим³. Жак Рансьер доказывает (через «Законы» Платона), что «демос» не относится ни к чему из перечисленного, но к неподготовленным к управлению, к «неучтенным». Таким образом, согласно Рансьеру, демократия – это всегда извержение «части, которая не имеет частей»⁴. Этьен Балибар усиливает утверждение Рансьера, доказывая, что демократическая трактовка равенства и свободы «навязана бунтом исключенных», но она всегда затем «реконструируется самими гражданами в процессе без конечной цели»⁵.

Принятие открытого и оспариваемого понимания демократии имеет ключевое значение для данной работы, поскольку я хочу освободить демократию от ее ограничения любой частной формой, при этом настаивая на ее ценности в указывании на политическое самоуправление людей, кем бы эти люди ни являлись. Этим демократия противоположна не только диктатуре и тирании, фашизму и тоталитаризму, аристократии, плутократии или корпоратократии, но также и современному феномену, в котором власть трансмутирует в управление и менеджмент в рамках порядка, заданного неолиберальной рациональностью.

³ Дж. Агамбен: *Homo Sacer*. Stanford: Stanford University Press 1998, 176.

⁴ J. Ranciere: *Dissensus: On Politics and Aesthetics*. New York: Continuum 2010, 70.

⁵ E. Balibar: *Equaliberty: Political Essays* / trans. James Ingram. Durham: Duke University Press 2014, 207. Таким образом, очень важный текст Балибара был опубликован на английском, когда данная книга уже находилась в печати. Он заслуживает более полного анализа, чем представленный здесь.

«Неолиберализм» также является размытым и подвижным означающим. Академическим «общим местом» является утверждение, что неолиберализм не имеет четких или фиксированных координат, что это временное и географическое разнообразие в его дискурсивных формулировках, продуцируемых стратегиях (policy entailments) и материальных практиках⁶. Это «общее место» не сводится ни к признанию множественных и разнообразных источников неолиберализма, ни к его рассмотрению в качестве понятия, в основном запущенного на орбиту его критиками, вследствие чего само его существование подвергается сомнению⁷. Неолиберализм как экономическая стратегия, модус управления и порядок рациональности является феноменом одновременно и глобальным, и в то же время непостоянным, дифференцированным, несистематичным и неоднородным. Он пересекается в Швеции с устойчивой легитимностью «велферизма» (государства всеобщего

⁶ J. Peck: *Construction of Neoliberal Reason*. New York: Oxford University Press 2010; J. Clarke: Living With/in and Without Neo-Liberalism // *Focaal-European Journal of Anthropology*, 51.1 (2008), 135-147; F. Barchiesi: *Precarious Liberation: Workers, the State and Contested Social Citizenship in Post-Apartheid South Africa*. Albany: State University of New York Press 2011.

⁷ Интеллектуальная история неолиберализма достойно представлена в следующих работах: J. Peck: *Construction of Neoliberal Reason*. New York: Oxford University Press 2010; D. S. Jones: *Masters of the Universe: Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics*. Princeton: Princeton University Press 2012; P. Dardot; C. Laval: *The New Way of the World*, New York: Verso 2014; P. Mirowsky: *Never Let a Serious Crisis Go to Waste*, New York: Verso 2013; A. Burgin: *The Great Persuasion: Reinventing Free Markets since the Depression*, Cambridge, MA: Harvard University Press 2012. Каждая из указанных работ представляет вклад в осмысление неолиберализма как возникающего в послевоенный период из нескольких маргинальных течений, постепенно превращаясь в управляющую рациональность, которая проистекла из этих источников и приобрела разнообразные формы. Каждая из работ также отчетливо теоретизирует новые силы и категории неолиберальных политических режимов и субъективностей. Все вместе, эти исследования непрямо противостоят более ортодоксальному марксистскому подходу, примером которого может служить книга Дэвида Харви (D. Harvey: *A Brief History of Neoliberalism*, New York: Oxford University Press 2005), в которой излагается точка зрения на неолиберализм как трансформацию капитализма в ответ на падение процентных ставок в 1970-е годы. Для более идее-ориентированного анализа подъема и распространения политики жесткой экономии, смотрите: M. Blyth: *Austerity: The History of a Dangerous Idea*, New York: Oxford University Press 2013. Для исследования способов, которыми неолиберальные исследовательские центры (think-tanks) продолжают задавать форму неолиберальной политике и рациональности, смотрите: P. W. Zuidhof: *Imagining Markets: The Performative Politics of Neoliberalism (forthcoming with Zone)*. Утверждение, что сам маркер «неолиберализм» был создан для обозначения столь многих разнообразных вещей, что является, по сути, бесполезным, раскрывается в работе: T. C. Voas; J. Gans-Morse: *Neoliberalism: From New Liberal Philosophy to Anti-Liberal Slogan // Studies in Comparative International Development*, 44.2 (2009), 137-161.

благосостояния), в Южной Африке – с постапартеидными ожиданиями государства демократизации и распределения, в Китае – с конфуцианством, постмаоизмом и капитализмом, в Соединенных Штатах – со странной смесью давно существующего антиэтатизма и нового менеджериализма. Неолиберальные стратегии также реализуются через разные порталы посредством разных агентов. В то время как неолиберализм был «экспериментом», навязанным Чили Аугусто Пиночетом и чилийскими экономистами, известными как «чикагские мальчики», после свержения ими Сальвадора Альенде в 1973 году, именно Международный валютный фонд навязал «структурные изменения» глобальному Югу на последующие несколько десятилетий. Пришедшие к власти Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган схожим образом начали претворять в жизнь смелые рыночные реформы. Неолиберализм был также неявно развернут в евроатлантических странах через техники управления, узурпирующие демократическое экономическим словарем и общественным сознанием. Более того, сама неолиберальная рациональность менялась со временем, в особенности (но не только) при переходе от производственной к все более финансовой экономике⁸.

В этом и парадокс. Неолиберализм – это и особый модус рациональности, и производство субъектов, «управление поведением» и схема оценивания⁹. Он обозначает исторически особую экономическую и политическую реакцию, направленную против кейнсианства и демократического социализма так же, как и более общую практику «экономизации» сфер и деятельности, до этого времени управляемых другими наборами ценностей¹⁰. Тем не менее в разнообразных воплощениях в разных странах, регионах и сферах, во всевозможных пересечениях с существующими культурами и политическими традициями и прежде всего в своих сопряжениях и поглощениях других дискурсов и проектов, неолиберализм приобретает различные формы и производит различное содержание и нормативные детали, даже различные выразительные средства. Он

⁸ Для развернутого анализа значения этого перехода, смотрите, помимо прочего: M. Feher: *Rated Agencies: Political Engagements with Our Invested Selves* (forthcoming with Zone); G. F. Davis: *Managed by the Markets: How Finance Reshaped America*. New York: Oxford University Press 2009; G. F. Davis: *After the Corporations // Politics and Society*, 41.2 (2013); G. F. Davis: *Finance Capitalism 2.0: How BlackRock Became the new J.P. Morgan // Labor and Employment Relations Association Conference*, January 7, 2012, University of Michigan, available at: <http://webuser.bus.umich.edu/gfdavis/Presentations/Davis%20LERA%20tak%201-7-12.pdf>.

⁹ M. Foucault: *The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–79* / ed. Michel Senellart, trans. Graham Burchell. New York: Picador 2004.

¹⁰ C. Caliskan, M. Callon: *Economization, Part 1: Shifting Attention from the Economy Towards Processes of Economization // Economy and Society*, 38.3 (2009), 369–398; T. Mitchell: *Rule of Experts: Egypt, Techno-Politics, Modernity*. Berkeley: University of California Press 2002; T. Mitchell: *Carbon Democracy: Political Power in the Age of Oil*, London: Verso 2011.

распространен глобально, однако же разобщен и не тождествен сам себе во времени и пространстве.

Невзирая на эти разнообразные воплощения, по причинам, которые вскоре станут понятны, в данной работе я преимущественно сосредоточу внимание на обсуждении значения «неолиберализма», а не «демократии». Однако эти аспекты неолиберализма – его неравномерность, нехватка самоидентичности, временная и пространственная вариативность и, главное, способность к реконфигурации – важно подчеркнуть в дискуссии, сосредоточенной на его распространении во времени, которое мы можем назвать современностью, и в месте, которое мы можем назвать евроатлантическим миром. Осознание непостоянства неолиберализма и опасности его пластичности направлено против определения его нынешнего воплощения как его сущностной и глобальной истины, а также против того, чтобы телеологизировать историю, которую я излагаю, чтобы тем самым не превратить ее в мрачную главу в неизменном движении к концу всех времен.

В «Республике» Платон предлагает знаменитую гомологию города и души. Оба имеют одинаковые составляющие – разум (философы), дух (воины) и аппетит (работники) – и в обоих они могут быть ранжированы надлежащим или ненадлежащим образом. Если аппетит или дух, а не разум, управляет индивидуальной или политической жизнью, расплатой будет справедливость или доблесть. Политические теоретики довольно часто оспаривали эту идею Платона, тем не менее она вновь возвращается. В этой книге утверждается, что неолиберальная рациональность возвращает ее из мести: предполагается, что и люди, и государства руководствуются принципом максимизации своей капитальной стоимости в настоящем и увеличения своей будущей стоимости; и реализуется это через практики предпринимательства, самоинвестирования и/или привлечения инвесторов. Любой режим, придерживающийся иного курса, сталкивается с фискальными кризисами, понижением кредитоспособности, курса валюты или облигаций и в результате по меньшей мере теряет легитимность, а в пределе – становится банкротом и исчезает. Подобным образом любой индивид, вовлекающийся в иные стратегии, рискует как минимум обнищать и потерять уважение и кредитоспособность, а в пределе – оказывается на грани выживания.

Наиболее удивительно в новой гомологии города и души то, что ее координаты экономические, а не политические. По мере того, как и индивид, и государство становятся проектами менеджмента, а не управления, экономические рамки и цели заменяют политические, всевозможные общественные вопросы (concerns) включаются в проект укрепления капитала, и в результате они существенно редуцируются или радикально трансформируются по мере своей «экономизации». Здесь имеются в виду справедливость (и ее подэлементы, такие как свобода, равенство, честность), суве-

ренитет индивида и народа, верховенство права. А также знания и культурные ориентиры, имеющие отношение к самым умеренным практикам демократического гражданства.

Два примера, относящихся к душе и государству соответственно, проиллюстрируют это утверждение.

Ре-конституирование Души. Давно не новость, что европейские и североамериканские университеты были существенно трансформированы и подвергнуты переоценке в последние несколько десятилетий. Поднятие оплаты за обучение, снижение государственной поддержки, рост коммерческого и онлайн-обучения, трансформация университетов в духе «лучших практик» корпораций и растущая бизнес-культура «компетенций» вместо «аттестатов» отбросили «замок из слоновой кости» всего 30-летней давности как анахроничный, дорогой и потворствующий слабостям. В то время как Британия полуприватизировала большую часть общественных институций и привязала оставшееся госфинансирование к набору измерений академической производительности в соответствии с «влиянием» (так называемый импакт-фактор), идол трансформации в США несколько иной – распространение более неформальной рейтинговой системы, приближенной к краудсорсингу. Предыдущие способы измерения качества образовательного учреждения (сами по себе довольно спорные в силу того, что они существенно привязаны к рангу и количеству абитуриентов, а также объему привлекаемых фондов (endowments)) стремительно вытесняются новыми рейтингами «лучшего капиталовложения» («best bang for the buck»)¹¹. Предлагаемые различными изданиями – от *Kiplinger's Personal Finance* до *Princeton Review* и журнала *Forbes* – алгоритмы могут быть довольно сложными, но культурный сдвиг вполне простой: замещение критериев качества образования измерительными процедурами, полностью ориентированными на возврат инвестиций (ROI), а также содержащими в качестве основных показателей следующие: на какую работу и увеличение дохода впоследствии могут рассчитывать студенты-инвесторы от любой заданной институции. Сами по себе эти вопросы не аморальны, однако они очевидно сводят ценность высшего образования к индивидуальным экономическим рискам и выгодам, вытесняя «старомодные» цели развития личности и гражданина и, возможно, сводя подобное развитие к способности получения экономических выгод. Что еще более важно, находится в разработке правительственный план размещения 150 миллиардов долларов дотаций в федеральные фонды финансовой помощи на внедрение этих новых измерительных процедур, что позволит образовательным учреждениям с высоким рейтингом предлагать студентам большую финансовую поддержку, чем учреждениям в нижней части списка. Если план воплотится в реальность, что представляется весьма вероятным, институции и студенты в равной степени будут не просто

¹¹ См.: A. Kaminer: Lists that Rank Colleges' Value Are on the Rise // *New York Times*, October 27, 2013, p. A1.

странным образом переопределяться или стимулироваться, но будут вполне насильственно трансформированы в соответствии с новыми метриками, поскольку университеты, как и любые другие инвестиционные проекты, будут оцениваться в рамках ожидаемых рисков и доходов¹². Рейтинговая система получит институциональные рамки, далеко выходящие за пределы задачи ограничения расходов университетов, взамен запуская ускоренное сокращение требований к общему уровню образования и времени на получение степени, разрушая и то, что оставалось от «общеобразовательного» блока предметов (liberal arts), и практику вовлечения исторически дискриминируемых меньшинств (historically disadvantaged populations), а в более широком смысле – трансформируя педагогику, стратегии и стандарты получения знаний, выдвигаемые к выпускникам высшей школы. Если кратко, то новые метрики являются и признаком, и двигателем революции в высшем образовании. Возвращаясь к вопросу производства интеллектуальных, думающих элит и воспроизводства культуры, а также, с недавних пор, максимально широко образованных граждан и обеспечения принципа равных возможностей, сейчас система высшего образования производит человеческий капитал, тем самым переворачивая с ног на голову классические гуманистические ценности. Что более подробно доказывается в Главе 6: когда высшее образование претерпевает подобные революционные преобразования, то же происходит и с душой, гражданином, демократией.

Ре-конституирование Государства. Президент Обама в начале своего второго президентского срока вновь обращается к проблеме тех, кто остался «за бортом» «американской мечты» в силу своего класса, расы, пола, гендера, инвалидности или иммигрантского статуса. В его инаугурационной речи «Мы, Народ» в январе 2013 года эта проблема прозвучала достаточно громко.

¹² В то время как рейтинговая система очевидно ориентирована на потенциальных инвесторов в высшее образование, заместитель секретаря по образованию Жамьенн Стадди рассматривает это как потребительскую услугу: «это как рейтинг блендеров», сказала она на собрании президентов колледжей. M. D. Shear: Colleges Rattled as Obama Presses Rating System // *New York Times*, May 25, 2014, <http://www.nytimes.com/2014/05/26/us/colleges-rattled-as-obama-presses-rating-system.html>. Стадди также сравнила выбор колледжа с принятием решений по поводу ресторанов, отелей и автомобилей, где «мы используем отзывы экспертов и потребителей, чтобы определить, какие заведения больше всего нравятся другим потребителям и сколько каждое из них стоит, сравнивая их с другими вариантами». D. Lederman: Key Addition to U.S. Higher Ed Team // *Inside Higher Ed*, September 22, 2013. <http://www.inside-highered.com/news/2013/09/22/jamienne-studley-named-key-education-department-post#sthash.PQdCSwd5.dpbs>. Также см.: K. Field: Obama Plan to Tie Student Aid to College Ratings Draws Mixed Reviews // *Chronicle of Higher Education*, August 22, 2013. <http://chronicle.com/article/Obama-Proposes-Tying-Federal/141229>; T. Lewin: Obama's Plan Aims to Lower Cost of College // *New York Times*, August 22, 2013. <http://www.nytimes.com>.

А в сочетании с обращением «О положении страны»¹³ тремя неделями спустя, можно сделать вывод, что президент, по-видимому, вспомнил о своем электорате с «левыми» настроениями или даже о своем стремлении к справедливости – после центристского, компромиссного, построенного на договоренностях первого срока. Возможно, Оссуру Wall Street может даже праздновать небольшую победу в изменении публичного дискурса касательно того, что есть Америка и для чего она существует.

Безусловно, правда, что обе речи отмечают «эволюцию» Обамы по отношению к гей-бракам и новую решимость увести США от милитаристской трясины Ближнего Востока. Они выражают обеспокоенность также по поводу тех, кто остался позади в неолиберальной гонке за богатством, пока «прибыли корпораций... достигли невиданных заоблачных высот»¹⁴. В этом контексте представляется, что свет «надежды и изменений», с которым Обама пришел к власти в 2008 году, в самом деле зажегся вновь. Однако более пристальное рассмотрение обращения «О положении страны» позволяет увидеть по-иному расставленные акценты. В то время как Обама призывает сохранить программу Medicare, прогрессивное налогообложение, увеличение государственных инвестиций в научно-технологические исследования, энергетические разработки, частные домохозяйства и образование, в иммиграционную реформу, борьбу с сексуальной дискриминацией и домашним насилием, а также в повышение минимальной зарплаты, каждая из затронутых тем была подана в контексте экономического роста и повышения конкурентоспособности США¹⁵.

«Экономический рост, создающий хорошие рабочие места для среднего класса, должен быть путеводной звездой, направляющей наши усилия», – отметил президент. «Каждый день, – добавил он, – мы должны задавать себе как нации три вопроса»¹⁶. Что же это за направляющие вопросы, задающие формирование законодательства и политики, коллективное и индивидуальное поведение? «Как нам привлечь больше рабочих мест в наши края? Как нам обеспечить формирование у наших людей навыков, необходимых для этих

¹³ Обращение «О положении страны» (англ. *State of the Union address*, букв. *Послание о положении Союза*) — ежегодное послание президента Соединённых Штатов Америки Конгрессу, в котором он излагает свою оценку ситуации в стране и описывает предстоящие законодательные инициативы (*Прим. пер.*).

¹⁴ Remarks by the President in the State of the Union Address, February 12, 2013. White House Office of the Press Secretary, available at: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/02/12/remarks-president-state-union-address>, p. 1.

¹⁵ Там же, 1-9. Единственным исключением был вопрос контроля над оружием, что может также выступать объяснением тому, что Обама так быстро сдался в этом вопросе в 2013 году.

¹⁶ Там же, 2.

рабочих мест? И как нам гарантировать, что тяжелый труд ведет к достойному уровню жизни?»¹⁷

Привлечение инвесторов и развитие адекватно оплачиваемой квалифицированной рабочей силы – вот цели старейшей демократии в мире, управляемой в XXI веке президентом, стремящимся к справедливости. Успех в этих областях, в свою очередь, позволит реализоваться ключевой цели нации и правительства, ею управляющего, – «обширный рост» (broad-based growth) экономики в целом. Что еще более важно, каждую прогрессивную ценность – от снижения уровня домашнего насилия до замедления глобального потепления – Обама представил не просто как сочетающуюся с экономическим ростом, но также как ведущую к нему. Энергосбережение сохранит нашу конкурентоспособность: «Поскольку такие страны, как Китай, практикуют энергосбережение, то же должны делать и мы»¹⁸. Изменение нашей устаревшей инфраструктуры «докажет, что нет лучшего места для ведения бизнеса, чем Соединенные Штаты Америки»¹⁹. Более доступные кредиты на жилье позволят «ответственным молодым семьям» купить свой первый дом, что будет «способствовать росту экономики»²⁰. Инвестиции в образование уменьшат бремя подростковой беременности и преступности, наставят «детей на путь к хорошей работе», позволят им «проложить свою дорогу к среднему классу» и обеспечат навыки, необходимые для конкурентоспособности нашей экономики. Школы побуждают к сотрудничеству с «колледжами и работодателями», а также к созданию «учебных курсов, направленных на науку, технологии, инженерное дело и математику – навыки, востребованные сегодняшними работодателями»²¹. Иммиграционная реформа «направит в нужное русло таланты и мастерство иммигрантов, полных надежд и стремлений» и привлечет «высококвалифицированных предпринимателей и инженеров, что способствует созданию рабочих мест и росту нашей экономики»²². Экономический рост также будет результатом, «когда наши жены, матери и дочери смогут прожить свои жизни без дискриминации... и... страха домашнего насилия», когда «мы будем получать честное вознаграждение за честный ежедневный труд» вследствие изменения минимальной заработной платы, когда мы отстроим уничтоженные фабричные города и когда мы укрепим семьи через «устранение финансовых угроз браку для пар с низким уровнем доходов и сделаем больше для стимулирования родительства»²³.

Таким образом, речь Обамы «О положении страны» в январе 2013 года возрождает либеральную повестку дня, которая подается

¹⁷ Remarks by the President in the State of the Union Address, 4.

¹⁸ Там же, 5.

¹⁹ Там же, 6.

²⁰ Там же, 6.

²¹ Там же, 7.

²² Там же, 8.

²³ Там же, 8-9.

как экономический стимул, обещающий общую конкурентоспособность, процветание и продолжающееся восстановление от рецессии вследствие финансового кризиса 2008 года. Кто-то может возразить, что подобное оформление нацелено на сотрудничество с оппозицией, не просто нейтрализующее, но перенаправляющее обвинение в адрес демократов, руководствующихся налогами и расходами, – путем формулирования социальной справедливости, правительственных инвестиций и защиты окружающей среды как инструментов экономического роста. Эта цель вполне очевидна. Но исключительное фокусирование на этом упускает из вида, что экономический рост стал и конечной целью, и легитимацией правительства, по иронии, в тот самый исторический момент, когда честные экономисты признают, что накопление капитала и экономический рост пошли разными дорогами, в частности потому что извлечение ренты вследствие финансиализации не ведет к экономическому росту²⁴. В неолиберальную эпоху, когда рынок якобы сам себя воспроизводит, речь Обамы вскрывает ситуацию, когда правительство и ответственно за укрепление экономического здоровья системы, и сводит всю прочую ответственность (помимо национальной безопасности) к экономическому здоровью. Поражающая своей точностью, данная формулировка означает, что обязательства демократического правительства касательно равенства, свободы, конституционализма и включения (предотвращения дискриминации) теперь подчинены проекту экономического роста, конкурентного позиционирования и укрепления капитала. Эти политические обязательства более не являются автономными и, что подразумевается в речи, если будут препятствовать, а не способствовать экономическим целям, будут отброшены.

Что также становится ясно из речи Обамы, совокупность целей и приоритетов государства становится неотличимой от таковых у современных фирм, в особенности если последние все больше берут на себя ответственность за справедливость и устойчивое развитие. Для фирм и государства в равной степени конкурентное позиционирование и рейтинги кредитов и акций имеют первостепенное значение. Другие цели – от производственных практик устойчивого развития до справедливости по отношению к работникам – легитимны, пока они способствуют достижению главной цели. По мере того как социальное обеспечение становится рыночной нишей, практики экологической сознательности и честной торговли вкупе с (незначительным) перераспределением доходов в пользу благотворительности становятся общественным лицом и

²⁴ См.: T. Picketty: *Capital in the Twenty-First Century*, Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press 2014; *Dynamics of Inequality: an interview with Piketty* // *New Left Review* 85 (January–February, 2014). Многие оспаривают политические рекомендации Пикетти, но мало кто не согласен с его основополагающим утверждением, что аккумуляция капитала, не сопровождающееся экономическим ростом, лежит в основе увеличения неравенства.

рыночной стратегией многих фирм сегодня. Речь Обамы «О положении страны» изменяет семантический порядок вещей лишь незначительно, выдвигая на передний план вопрос справедливости, пусть и в привязке к конкурентному позиционированию. Поведение правительства и поведение фирм теперь фундаментально тождественны: они озабочены справедливостью и устойчивым ростом, но не как самодостаточной целью. Скорее, «социальная ответственность», которая сама должна стать частью предпринимательства, отчасти привлекает потребителей и инвесторов²⁵. В этом отношении речь Обамы одновременно и обнажает неолиберальный этатизм, и выступает блестящим маркетинговым ходом, прямо позаимствованным из бизнеса, – укрепляя доверие к себе и повышая собственную ценность путем привлечения инвестиций от граждан, ориентированных на справедливость и экологическое мышление.

Это всего лишь два примера современной неолиберальной трансформации субъектов, государств и их отношений, что и является предметом рассмотрения данной книги. Что происходит, когда людьми управляет скорее не политический, а неолиберальный разум, который задает конфигурацию души и городу? Что происходит с конституирующими элементами демократии – ее культурой, субъектами, принципами и институциями, – когда неолиберальная рациональность пропитывает политическую жизнь?

Начав с историй, я спешу добавить, что это прежде всего задача политической теории, чья цель показать метаструктуру и ключевые механизмы, через которые неолиберальное конструирование субъектов и государств устраняет демократические принципы, вымывает демократические институции и выхолащивает демократическое воображаемое европейского модерна. Это критика в классическом значении термина – попытка осмысления конститутивных элементов и динамики нашего состояния. Она не разрабатывает альтернатив данному порядку, а лишь подчас идентифицирует возможные стратегии сопротивления вводимым изменениям. Тем не менее вскрываемые категории и структуры власти могут способствовать развитию таких альтернатив и стратегий, что само по себе

²⁵ Существует много других примеров неолиберализации вопросов социальной справедливости со стороны администрации Обамы. Обратите внимание, к примеру, на любимую программу Обамы «Защитник Моего Брата» («My Brother's Keeper»), направленную на повышение шансов получить образование и работу для цветных мальчиков и мужчин из группы риска – через привлечение общественных и частных «инвесторов» в эту группу населения. Президент подытожил проект следующим образом: «У нас есть огромное количество детей, которые столь же и более талантливы, чем я, но никто не вкладывает в них деньги» (T. Vega: Administration Lays Out Ways Groups Can Support Program for Minority Men // *New York Times*, May 30, 2014. <http://www.nytimes.com/2014/05/31/us/politics/white-house-releases-report-on-helping-minority-men-and -boys.html>).

является жизненно необходимым для какого бы то ни было будущего демократии.

В самом общем виде неолиберализм понимают как претворение совокупности экономических стратегий в соответствии с основополагающим принципом утверждения свободных рынков. Это включает дерегуляцию промышленности и потоков капитала; радикальное ограничение государства всеобщего благосостояния и защиты уязвимых групп населения; приватизированные и находящиеся на аутсорсинге общественные блага – от образования, парков, почтовых услуг, дорог и благотворительности до тюрем и армий; замещение прогрессивных налогообложения и тарифных схем регрессивными; конец перераспределения доходов как экономической и социально-политической стратегии; преобразование каждой человеческой потребности или желания в прибыльное предприятие – от подготовки к поступлению в колледж до пересадки человеческих органов, от усыновления до загрязнения окружающей среды, от избегания очередей до дополнительного пространства для ног в самолетах; а также, в последнее время, финансовизацию всего и увеличивающееся доминирование финансового капитала над производственным в экономической динамике и в повседневной жизни.

Критика этих стратегий и практик обычно концентрируется на четырех губительных последствиях. Первое – это *увеличивающееся неравенство*, в котором наивысшая страта получает и сохраняет все больше прибыли, а низшая буквально оказывается на улице или в растущих городских и пригородных трущобах мира, в то время как средний класс работает больше за меньшую оплату, меньшее количество привилегий, меньшую безопасность, меньшую будущую пенсию и меньшие обещания восходящей мобильности, чем когда бы то ни было за прошедшие столетия. В то время как они редко используют термин «неолиберализм», это ключевой акцент важной критики стратегий современных западных государств такими экономистами, как Роберт Райх, Пол Кругман и Джозеф Стиглиц, а также критики стратегий развития Амартией Сенем, Джеймсом Фергюсоном, Бранко Миланвичем и другими²⁶.

²⁶ J. E. Stiglitz: *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future*, New York: Norton 2012; J. E. Stiglitz: *Freefall: America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy*, New York: Norton 2010; R. Reich: *Aftershock: The Next Economy and America's Future*, New York: Vintage 2010; R. Reich, // *Inequality for All*, DVD, directed by Jacob Kornbluth, 72 Productions 2013; P. Krugman: *Hunger Games, U.S.A.* // *New York Times*, July 15, 2013, p. a15, <http://nytimes.com/2013/07/15/opinion/krugman-hunger-games-usa.html>; P. Krugman: *End This Depression Now!* New York: Norton 2012; P. Krugman: *The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008*, New York: Norton 2009; P. Krugman: *The Great Unraveling: Losing Our Way in the New Century*, New York: Norton 2003; J. Ferguson: *Global Shadows: Africa in the Neoliberal World Order*, Durham: Duke University Press 2006; Branko Milanovic: *The Haves and the*

Растущее неравенство также упоминается Томасом Пикетти среди фундаментальных последствий посткейнсианского капитализма для недавнего прошлого и ближайшего будущего.

Второе направление критики экономической стратегии и дерегуляции неолиберального государства касается *грубой и неэтичной коммерциализации* вещей и видов деятельности, считающихся неподходящими для коммерциализации. Выдвигаемая претензия заключается в том, что маркетизация способствует эксплуатации или деградации людей (например, суррогатные матери из стран третьего мира для богатых пар из развитых стран), поскольку она ограничивает или дифференцирует доступ к тому, что должно быть широко доступно и находиться в совместном пользовании (образование, дикая природа, инфраструктура), а также потому, что она делает возможным нечто действительно ужасное и абсолютно пагубное для планеты (торговлю органами, право на загрязнение окружающей среды, сплошную рубку лесов, гидроразрыв пластов). Опять-таки, хотя авторы и не используют термин «неолиберализм», это ключевой момент в критике, предлагаемой Деброй Затц в книге «Почему некоторые вещи не должны быть на продажу» и Майклом Санделом «Что нельзя купить за деньги»²⁷.

В-третьих, критика неолиберализма, понятого как государственная экономическая стратегия, выказывает недовольство по поводу *постоянно растущей взаимосвязи корпоративного и финансового капитала с государством*. Шелдон С. Волин настаивает на этом в книге «Акционерная демократия», хотя Волин так же избегает маркера «неолиберализм»²⁸. Эти темы являются знаковыми и для режиссера Майкла Мура, в ином ключе они разрабатываются Полом Пирсоном и Якобом Хакером в книге «Политика по принципу «Победитель получает все»»²⁹.

Have-Nots: A Brief and Idiosyncratic History of Global Inequality, New York: Basic Books 2010; A. Sen: *Development as Freedom*, New York: Random House 1999; J. Stiglitz, A. Sen, J.-P. Fitoussi: *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*, September 14, 2009, available at: http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/documents/rapport_anglais.pdf.

²⁷ См.: D. Satz: *Why Some Things Should Not Be for Sale: The Moral Limits of Markets*, New York: Oxford University Press 2010; M. Sandel: *What Money Can't Buy: The Moral Limits of Markets*, New York: Farrar, Strauss and Giroux 2012; а также мои рецензии на эти книги, опубликованные в журнале «Political Theory», 42.3 (2014).

²⁸ Sh. W. Wolin: *Democracy Incorporated: Managed Democracy and the Specter of Inverted Totalitarianism*, Princeton: Princeton University Press 2008.

²⁹ J. S. Hacker, P. Pierson: *Winner-Take-All Politics: How Washington Made the Rich Richer – and Turned Its Back on the Middle Class*, New York: Simon and Schuster 2011. В ноябре 2013 года на Национальном общественном радио был отличный эфир, посвященный тонким механизмам корпоративного доминирования в государственном управлении: было показано, как неолиберальная экономизация правительства делает законодателей по-новому уязвимыми перед корпоративными интересами. Один интервьюируемый объяснил, как в современных условиях лоб-

Наконец, критика неолиберальной государственной политики часто озабочена *экономическим опустошением* вследствие господства и неограниченности финансового капитала, в особенности дестабилизирующим воздействием «мыльных пузырей» и других резких колебаний финансовых рынков. Ставшие очевидными в результате мгновенного шока и долгого послевкусия финансового кризиса 2008–2009 годов, эти последствия также подчеркнуты постоянно увеличивающимися расхождениями между Уолл-стрит и так называемой реальной экономикой. Это описано рядом теоретиков, включая Жерара Дюмениля и Доминика Леви в «Кризисе неолиберализма», Майкла Хадсона в «Финансовом капитализме и его неудовлетворительности», Ива Смита в «Е-кономизированные: как неограниченный интерес к себе подрывает демократию и разлагает капитализм», Мэтта Таибби в «Грифтопия: история о банкирах, политиках и самом неслыханном захвате власти в истории Америки» и Филипа Мировски в «Никогда не позволяйте серьезному кризису пройти впустую: как неолиберализм пережил финансовую катастрофу»³⁰.

Растущее неравенство, полнейшая коммодификация и коммерциализация, усиливающееся корпоративное влияние в пра-

бисты пишут законы и организуют их прохождение в Конгрессе. Он предложил пример законопроекта авторства Ситигрупп по отмене финансового регулирования, наложенного после кризиса 2008 года. «Для меня, – сказал Ли Дратман из Санлайт Фаундейшн, правительственной наблюдательной группы, – это лишь очередной момент в давней истории – о том, что Конгресс по большей части отдал политическую экспертизу на откуп частному сектору». Сколь бы дикой не казалась эта история, по утверждению Дратмана, сейчас это обычное дело на Капитолийских холмах. «Люди в Капитолии не останавливаются. Вы не понимаете, как хороши люди там. Экспертиза в политических нововведениях все больше и больше смещается в сторону частного сектора, а также к тому, чтобы представлять те организации и компании, которую могут себе это позволить. Как правило, это не мы с вами. Это большие банки и корпорации, нефтяные компании». Дратман работал в банке в стратегическом отделе в 2009–10 гг., занимался реструктуризацией финансов, и в Капитолии он увидел, что члены команды в Конгрессе очень гибки. Лоббисты знают это, говорит Дратман, поэтому они предлагают законодателям пакет все-в-одном – помогают найти спонсоров определенного законопроекта, даже пишут ключевые тезисы выступления, так же как и вырабатывают особый язык законопроекта. A. Chang: *When Lobbyists Literally Write the Bill // National Public Radio*, November 11, 2013, available at: <http://www.npr.org/blogs/itsallpolitics/2013/11/11/243973620/when-lobbyists-literally-write-the-bill>.

³⁰ G. Dumenil, D. Levy: *The Crisis of Neoliberalism*. Cambridge, MA: Harvard University Press 2011; M. Hudson: *Finance Capitalism and Its Discontents*, Dresden: Islet Verlag 2012; Y. Smith: *E-CONned: How Unrestrained Self Interest Undermined Democracy and Corrupted Capitalism*, New York: Palgrave MacMillan 2010; M. Taibbi: *Griptionia: A Story of Bankers, Politicians, and the Most Audacious Power Grab in American History*, New York: Random House 2010; P. Mirowski: *Never Let a Serious Crisis Go to Waste: How Neoliberalism Survived the Financial Meltdown*, New York: Verso 2013.

вительстве, экономическое опустошение и нестабильность – безусловно, все это последствия неолиберальной политики и все это служит толчком к неприятию или массовым протестам, таким как Осциру Wall Street, южно-европейским протестам против политики жесткой экономии и, ранее, движению антиглобалистов. Однако в данной книге неолиберализм формулируется несколько иначе и фокусируется на других разрушительных последствиях. В противоположность пониманию неолиберализма как набора государственных стратегий, фазы капитализма или идеологии, которая позволяет рынку обеспечивать прибыль для класса капиталистов, я – вместе с Мишелем Фуко и другими мыслителями – убеждена, что неолиберализм есть порядок нормативного разума, который, по мере обретения господства, принимает форму управляющей рациональности, распространяющей специфически сформулированные экономические ценности, практики и метрики на каждое измерение человеческой жизни³¹.

Эта управляющая рациональность предполагает то, что Корэй Калискан и Мишель Каллон назвали «экономизацией» прежде не экономических сфер и практик, а именно процесс трансформации знания, формы, содержания и моделей поведения, свойственных этим сферам и практикам³². Что важно отметить, экономизация не всегда предполагает монетизацию. Другими словами, мы можем (и неолиберализм интерпеллирует нас как таковых субъектов) думать и действовать подобно современным рыночным субъектам, даже когда образование денежной массы не является непосредственной целью, например, когда речь идет о чьем-то образовании, здоровье, физической форме или соседстве³³. Таким образом, говорить о не-

³¹ Мои ранние попытки развития подхода Мишеля Фуко к неолиберализму как политической рациональности появились в статье: *Neoliberalism and the End of Liberal Democracy // Theory and Event*, 7.1 (2003), позже перепечатанной в *Edgework: Critical Essays on Knowledge and Politics*, Princeton: Princeton University Press 2005 и *American Nightmare: Neoconservatism, Neoliberalism, and De-Democratization // Political Theory*, 34.6 (2006), 690-714. Данная книга пересматривает некоторые из этих ранних теоретизаций, которые были довольно не критичны по отношению к Фуко и в некоторых случаях представляли некорректную интерпретацию его положений, не принимали в расчет финансовый капитал и финансиализацию, а также сводили неолиберальную коррозию демократии к сокращению или смещению последней, а не к сущностному преобразованию либеральных демократических принципов в экономические значения.

³² С. Caliskan, M. Callon: *Economization, Part 1: Shifting Attention from the Economy Towards Processes of Economization // Economy and Society*, 38.3 (2009), 369-398.

³³ См., напр.: В. Feiler: *Programming Families: How Kids Are Like Software, and What the Government Could Learn From It // The Secrets of Happy Families*, New York: William Morrow 2013, also available at: New Tech City, <http://www.wnyc.org/story/programming-families-how-kidslike-software-what-government-could-learn>. Фейлер применяет язык, шкалу измерений и техники ведения бизнеса к семейной жизни. Это включает принятие семейных решений в стиле собрания акционеров, создание

престанной и вездесущей экономизации всех сфер жизни вследствие неолиберализма – не значит утверждать, что неолиберализм буквально превращает все сферы в рынок, даже если подобная маркетизация является одним из безусловных и важных результатов неолиберализма. Скорее, дело в том, что неолиберальная рациональность распространяет модель рынка на все сферы и виды деятельности – даже когда речь не идет о деньгах – и исчерпывающе описывает человека как рыночного субъекта, являющегося всегда, везде и исключительно *homo oeconomicus*.

Так, человек может осмысливать свою личную жизнь как предприниматель или инвестор, в то же время не пытаясь заработать, накопить или инвестировать деньги в эту сферу³⁴. Многие высококлассные компании, занимающиеся онлайн-свиданиями, определяют свою клиентуру и предложения в данных понятиях, указывая на важность максимизации возврата инвестиций в виде чувств, не только времени и денег³⁵. Верховный Суд может интерпретировать

семейного бренда и семейной стратегии. The Week описывает это как «признание того, что что-то может пойти не так, и внедрение системы, которая показывает, что бизнес и семья функционируют подобным образом». См.: <http://theweek.com/article/index/252829/the-secrets-of-happy-families>. Подобным образом TED Talks описывает Фейлера как того, кто вводит «семейные практики, которые поощряют гибкость, движение идей сверху вниз, постоянную обратную связь и подотчетность». См.: http://www.ted.com/talks/bruce_feiler_agile_programming_for_your_family.html. Спасибо Шанталь Томас за привлечение моего внимания к работе Фейлера. Другим примером может быть совет врача и автора Рида Таксона родителям «становиться топ-менеджером (СЕО) своего здоровья». Заглавная фраза на его веб-сайте: «Как мы работаем вместе, чтобы улучшить качество нашей жизни? Мы начинаем собирать все доступные активы, вовлекаемся в лучшие модели здорового поведения и делимся инновациями в предотвращении заболеваний и медицинском уходе». Meet Dr. Reed Tuckson // <http://www.tucksonhealthconnections.com>.

³⁴ См.: S. Fayman: 7 Ways Finding Investors for Your Startup is Just like Dating // *Forbes*, August 19, 2013, <http://www.forbes.com/sites/stellafayman/2013/08/19/7-ways-finding-investors-for-your-startup-is-just-like-dating>; а также J. Bosari: Is Dating a Good Investment? // *Forbes*, January 3, 2013, <http://www.forbes.com/sites/moneywisewomen/2013/01/03/is-dating-a-good-investment>.

³⁵ Тренер по личным отношениям сказал репортеру *New York Times*: «На сайте Match.com вы можете встретить не так много людей, но вы будете выбирать этих людей. Поиск партнера онлайн дает лучший возврат инвестиций». См.: P. Kennedy: Who Made Speed Dating? // *New York Times*, September 29, 2013, p. mm17. Другой сайт поиска партнера также подает свидания как инвестиции: «В современном стремительном мире профессионалы на высоких позициях ищут экспертов, которые помогли бы им в достижении множества личных и профессиональных целей. Однако, когда речь заходит о том, чтобы найти любимого человека, многие успешные занятые одинокие люди продолжают практиковать бессистемный подход в поиске своей половинке по принципу “иголки в стогу сена”... Если вы действительно серьезно настроены построить длительные отношения, действуйте стратегически и используйте сервис, который способен предложить вам свой

свободу слова как право проявлять и продвигать свою ценность без денежной эквивалентности этой ценности; мы увидим это на примере «Объединенных граждан», обсуждаемых в Главе 5. Ученик может заняться благотворительностью, чтобы усилить свою заявку на поступление в колледж. Тем не менее его услуги остаются неоплачиваемыми, а желание попасть в конкретный колледж может быть не связано с предполагаемой зарплатой по его окончании. Подобным образом родители могут выбирать начальную школу для своего ребенка, основываясь на ее рейтинге для средних школ, которые, в свою очередь, имеют высокие позиции в рейтингах элитных колледжей. Однако же они изначально не рассчитывают денежные затраты на этого ребенка или его предполагаемый доход, когда он станет взрослым.

Отсюда распространяющаяся экономизация ранее не экономических сфер, видов деятельности и субъектов, не обязательно сопровождающаяся их маркетизацией или монетизацией, является определяющей характеристикой неолиберальной рациональности. Однако «экономизация» – само по себе довольно обширное понятие без фиксированного содержания или субъекта в разных исторических и пространственных воплощениях «экономики». Утверждение, что неолиберализм с необходимостью конструирует субъ-

пыт, репутацию и время, чтобы инвестировать в свое будущее!! Мы установили, что используя программу The Premier Match 360™, основанную на подборе кандидатов в корпорациях, наши клиенты могут максимизировать свой потенциал для успешных свиданий и добиться долгосрочных отношений, к которым они стремятся». Premier Match, <http://www.premiermatching.com/About.php>. Другой подобный сайт призывает вас к «аутсорсингу личной жизни»: «Время важно, и если вы похожи на многих одиноких состоятельных мужчин, вероятно, вы потратили много времени на попытки встреч с прекрасными дамами. Если вы потратили достаточно времени на попытки перекричать музыку в барах и клубах, чтобы заговорить с девушкой, по возрасту годящейся вам в дочери, вы не захотите вновь тратить на это время. Если у вас нет проблем с тем, чтобы привлекать женщин, но не получается привлекать правильных и трансформировать это в серьезные отношения, вам стоит присоединиться к нашему высококлассному агентству по поиску второй половинки. Множество бесплодных попыток найти свою любовь способно принести разочарование. Игры, угадывания и ссоры, сопровождающие свидания, могут быть настоящим испытанием, не говоря уже о расходах. Вы можете сэкономить столько времени и сил, предоставив решение проблемы вашей личной жизни опытным профессионалам – таким, как команда Model Quality Introductions, лучшего брачного агентства страны с владельцем-мужчиной» (<http://www.modelqualityintroductions.com/why-use-an-upscale-dating-service>). В то же время быстрые свидания рекламируются как способ максимизации производительности: «Быстрые свидания (speed dating) – это веселый и эффективный способ встретить больше потенциальных партнеров за один вечер... Вместо того, чтобы идти в бар или на свидание вслепую, вы знаете, что здесь все свободно, успешны и вам не нужно тратить больше пяти минут на каждого кандидата» (The Ivy Connection. Why Speed Dating // <http://www.theivyconnection.com/contents/whyspeeddating>).

ектов как экономических акторов, не поясняет, к какой роли они редуцируются. Производителей? Торговцев? Предпринимателей? Потребителей? Инвесторов? Подобным образом экономизация общества и политики может происходить через модель домохозяйства, в государстве работников, клиентов или потребителей или в мире человеческого капитала. Таковы возможности экономизации в недавней истории государственного социализма, государства всеобщего благосостояния, социальной демократии, национал-социализма и неолиберализма. В самом деле, Карл Шмитт утверждал, что либеральная демократия была уже формой, экономизирующей государственное и политическое. А для Ханны Арендт и Клода Лефора экономизация общества, человека и политики была фирменным знаком марксизма, в теории и на практике³⁶. Итак, каковы же отличительные черты неолиберальной экономизации?

Отчасти это касается увеличивающейся сферы экономизации: она достигает доселе невообразимых практик и уголков желаний. Но сдвиг не только в степени экономизации. Современная неолиберальная рациональность не только вовлекает вневременную фигуру экономического человека, просто увеличивая сферу ее применения. Дело в том, что *homo oeconomicus* не имеет постоянной формы, проходящей сквозь столетия. Двести лет назад Адам Смит предложил известную фигуру купца или торговца, который непрерывно преследует собственные интересы посредством обмена. Сто лет назад принцип *homo oeconomicus* был пересмотрен Иеремией Бентамом в ключе избегания боли и стремления к радости или бесконечных расчетов доходов и издержек. Тридцать лет назад, на заре неолиберальной эры, *homo oeconomicus* все еще ориентировался на процентные ставки и максимизацию прибыли, но теперь превращая себя в основной объект предпринимательской деятельности, что формулировалось как человеческий капитал. Как обозначает это Фуко, субъект теперь оказывается подчиненным диффузии и мультипликации форм предпринимательства внутри социального тела³⁷. Сегодня *homo oeconomicus* сохраняет аспекты подобного антрепренериализма (предпринимательства), но он был существенно реконфигурирован как финансиализированный человеческий капитал: его проект состоит в инвестиции в себя способами, способствующими увеличению стоимости и привлечению инвесторов посредством непрерывного внимания к реальному или фигуральному кредитному рейтингу, что происходит во всех сферах жизни³⁸.

³⁶ C. Schmitt: *The Crisis of Parliamentary Democracy* / trans. Ellen Kennedy. Cambridge, MA: MIT Press 1988, 24-26; H. Arendt: *The Human Condition*. Chicago: University of Chicago Press 1958, 79-100; C. LeFort: *Democracy and Political Theory* / trans. David Macey. Minneapolis: University of Minnesota Press 1988, 2-4, 10-12.

³⁷ Foucault: *The Birth of Biopolitics*, 148.

³⁸ Мишель Фейер, мыслитель, предложивший наиболее развернутую теоретизацию последствий для субъекта и субъективности в результате сдвига от производственного к финансовому капиталу, утвержда-

Современная «экономизация» субъектов неолиберальной рациональностью, таким образом, различима по крайней мере в трех моментах. Во-первых, в отличие от классического экономического либерализма, мы везде и всегда *homo oeconomicus* и только *homo oeconomicus*. Это одно из новшеств, внедренных неолиберализмом в политическую и социальную жизнь, что одновременно является одним из наиболее губительных его элементов. Адам Смит, Нассау Сеньор, Жан-Батист Сэй, Давид Рикардо и Джеймс Стюарт посвятили значительную часть своих трудов взаимоотношениям экономической и политической жизни, при этом никогда не сводя последнюю к первой и не воображая, что экономика может перестроить другие сферы жизни в своих категориях и шкалах³⁹. Некоторые даже зашли столь далеко, что предупреждали об опасности и неприемлемости допущения слишком большого влияния экономики на политическую жизнь, не говоря уже о моральной или этической.

Во-вторых, неолиберальный *homo oeconomicus* приобретает форму скорее человеческого капитала, стремящегося укрепить свое конкурентное позиционирование и оценить свою стоимость, чем форму предмета обмена или займа. Это также является новшеством и отличает неолиберального субъекта от субъекта, описанного классическими экономистами или неоклассиками, но также Иеремией Бентамом, Карлом Марксом, Карлом Поланьи и Альбертом О. Хиршманом.

В-третьих, что связано с предыдущим, сегодня специфическая модель человеческого капитала и его сферы действия выходит за рамки производственного или предпринимательского капитала, все более приобретая форму капитала финансового или инвестиционного. Рыночная деятельность, основанная на прибыли от обмена, а также антрепрениализации ресурсов и проектов, полностью не исчезла, став частью того, чем является современный человеческий капитал. Что изменилось, однако, как утверждает Мишель Фейер, *homo oeconomicus* как человеческий капитал озабочен увеличением стоимости своего портфолио во всех сферах своей жизни, что реализуется благодаря практикам инвестирования в себя и привлечения инвесторов⁴⁰. Будь то через «фолловеров» в соцсетях, «лайки» и «ретвиты», через всевозможные рейтинги и списки для любой активности и сферы или через непосредственно

ет, что сдвиг всеохватывающий и завершенный. Я же утверждаю, что обе модальности присутствуют сегодня, что человеческий капитал по предпринимательской модели не исчез и может сосуществовать в одном и том же человеке с человеческим капиталом по инвестиционной модели. См.: Feher: *Rated Agencies*; M. Feher: *Self-Appreciation; or, the Aspirations of Human Capital // Public Culture* 21.1 (2009).

³⁹ См. главу 4 в превосходной работе: M. Milgate: Shannon C. Stimson, *After Adam Smith: A Century of Transformation in Politics and Political Economy*, Princeton: Princeton University Press 2009.

⁴⁰ M. Feher: *Self-Appreciation; or, the Aspirations of Human Capital // Public Culture* 21.1 (2009), 21-41.

монетизированные практики, получение образования, навыков; досуг, воспроизводство, потребление и прочее – это все более интенсивно и отчетливо принимает форму стратегических решений и практик, относящихся к увеличению собственной будущей стоимости.

Безусловно, многие современные фирмы продолжают ориентироваться на проценты, прибыль и рыночный обмен. Из капиталистических экономик не исчезли ни коммодификация, ни предпринимательство. Но дело в том, что финансовый капитал и финансовализация привели к появлению новой модели экономического поведения, которая характерна не только для инвестиционных банков или корпораций. Даже предпринимательские фирмы, которые продолжают стремиться к максимизации прибыли путем сокращения затрат, развития новых рынков или адаптации к меняющимся условиям, также используют стратегии риск-менеджмента, укрепления капитала, финансовые рычаги, спекуляции и другие практики, призванные привлечь инвесторов и повышать кредитные рейтинги и стоимость портфеля. Таким образом, поведение и субъективность *homo oeconomicus*, оформленные в эру финансового капитала, существенно отличаются от обмена, бартера, торговли Адама Смита и от стремления к удовольствию и избегания боли Иеремии Бен-тама. По мере того как неолиберальная рациональность реконфигурирует человека в качестве человеческого капитала, более ранние версии *homo oeconomicus* как максимизатора прибыли уступают место формулировке субъекта и как члена фирмы, и самого по себе как фирмы, и в обоих случаях необходимы практики управления, уместные для фирм. Эти практики, что детально показано в Главе 4, замещают все время развивающиеся новые техники менеджмента для управления сверху вниз в государстве, фирме и субъекте одинаковым образом. Централизованная власть, закон, политика, правила и квоты вытеснены сетевыми, командными, практикоориентированными техниками, делающими особый акцент на стимулах, общем курсе и стандартах.

Когда конструирование человека и человеческого поведения как *homo oeconomicus* проникает во все сферы, включая саму политическую жизнь, это радикально меняет не только саму организацию, но и цель и характер каждой сферы, равно как и отношения между ними. В политической жизни, на которой сфокусирована данная книга, неолиберализм транспонирует демократические политические принципы справедливости в экономическую идиому, трансформирует государство в менеджера нации по модели фирмы (в 90-е годы премьер-министр Тайланда Таксин Шинаватра объявил себя «гендиректором Тайланда») и выхолащивает значительную часть демократического гражданства и даже народного суверенитета. Таким образом, важным следствием неолиберализации является разгром уже анемичного *homo politicus* либеральной демократии – разгром с колоссальными последствиями для демократических институций, культуры и воображаемого.

Как же произошло, что люди стали осмысливаться как *homo oeconomicus* и, более конкретно, как «человеческий капитал» во всех сферах жизни? Как такая форма рациональности, как неоллиберальная, стала управляющей рациональностью, проникающей во все институциональные практики и дискурсы повседневной жизни? В то время как неоллиберальная политика часто навязывалась директивно и принудительно в 1970-е и 1980-е годы, неоллиберализация евроатлантического мира сегодня все чаще производится посредством специфических техник управления, через лучшие практики и законодательные уловки, короче говоря, посредством «мягкой силы», вовлекающей подкуп и компромисс, а не принуждение, приказы или даже открытые политические платформы. Неоллиберализм управляет как изощренный здравый смысл, принцип устройства реальности, трансформирующий людей и институции везде, где он появляется, закрепляется и утверждается. Конечно, случаются стычки, включая протесты и политические столкновения с полицией в связи с приватизацией общественных благ, ликвидацией профсоюзов, сокращением привилегий и общественных услуг и т.п. Но в целом неоллиберализация похожа больше на термита, чем на льва... Ее модус рациональности пробивается в капиллярной форме на рабочих местах, в школах, государственных учреждениях, социальном и политическом дискурсе и прежде всего в субъекте. Даже метафора термита не вполне точная: Фуко напомнил бы нам, что любая господствующая политическая рациональность не только деструктивна, но она также порождает новых субъектов, формы поведения, отношения и миры.

В рамках неоллиберальной рациональности, человеческий капитал – это и то, что мы «есть», и то, чем мы «должны быть», то, чем нам приказано быть, кем мы должны стать и чем рациональность делает нас посредством своих норм и создаваемой среды. Мы уже видели, чем отличается неоллиберализм от классического экономического либерализма: все сферы становятся рынками, при этом предполагается, что люди должны быть рыночными акторами. Другое отличие, подчеркнутое Фуко, состоит в том, что в неоллиберальном разуме конкуренция замещает обмен как корневой принцип и основное благо рынка⁴¹. (Как мы увидим в Главе 2, Фуко также доказывает, что неоллиберальный разум формулирует конкуренцию как нечто нормативное, а не естественное, и, следовательно, требующее помощи и юридической поддержки.) Этот трудноуловимый сдвиг от обмена к конкуренции как сути рынка означает, что все рыночные акторы представляются как маленькие капиталы (скорее чем владельцы, работники или потребители), соревнующиеся друг с другом, а не вступающие в отношения обмена. Неизменной и повсеместной целью человеческого капитала – независимо от того, учишься ли ты, стажировешься, работаешь, планируешь выход на пенсию или изобретаешь себя заново в новой

⁴¹ Foucault: *The Birth of Biopolitics*, 118-119.

жизни – является превращение своих усилий в предприятие, оценка стоимости последнего с последующим повышением его позиции или рейтинга. В этом он отражает стратегии современных стран, фирм, университетских кафедр или научных журналов, образовательных учреждений, медиа и веб-сайтов: преврати в предприятие, усиливай конкурентное позиционирование и стоимость, максимизируй ранг и рейтинг.

Эта фигура человека как ансамбля предпринимательского и инвестиционного капиталов очевидна при каждом приеме на работу или в колледж, в каждом пакете учебных стратегий, каждой интернатуре, каждом новом упражнении и программе питания. Лучшие университетские ученые характеризуются как искушенные в предпринимательстве и инвестициях, не просто получая гранты и стажировки, но и создавая новые проекты и публикации на основе старых исследований, подсчитывая публикации и места презентаций и тиражируя себя и свои работы, тем самым повышая их ценность⁴². Ставшая абсолютно повсеместной практика выстраивания коммуникативных сетей (нетворкинг) – это практика, которую Мишель Фейер называет «привлечением инвесторов»⁴³. Эти примеры напоминают нам вновь, что, когда неолиберальная рациональность распространяет рыночные ценности и метрики на новые сферы, это не всегда приобретает монетарную форму; скорее сферы, люди и практики экономизируются способами, далеко превосходящими буквальное производство богатства. Это утверждение является основополагающим для понимания неолиберальной трансформации демократии.

Представление человеческих существ как человеческого капитала имеет множество вариаций. Здесь я останавлиюсь лишь на релевантных в контексте моей аргументации.

Во-первых, мы являемся человеческим капиталом не только для себя, но также для фирмы, государства или постнационального образования, в которое мы входим. Отсюда, даже когда нам поручают быть ответственными по отношению к себе в конкурентном мире других человеческих капиталов, в той мере, в которой мы есть человеческий капитал для фирм и государств, озабоченных собственным конкурентным позиционированием, у нас нет гарантий

⁴² Показательна история молодого преподавателя-ассистента из Университета Виктории в Канаде, который на сайте [academia.edu](http://blog.academia.edu) «накрутил» своей работе наивысший «импакт» рейтинг среди пяти миллионов пользователей: <http://blog.academia.edu/post/53204075764/kindling-impact>. Что делает достижение начинающего исследователя особенно пикантным, это его неприкрытая гордость по поводу данного рейтинга на его собственном сайте: <http://people.geog.uvic.ca/Springer>. Следует также отметить, что он ассоциирует себя с движением Оссури и анархистским возрождением, а его научные изыскания связаны с критикой неолиберализма, насилия, системы управления и биополитики.

⁴³ M. Feher: On Credit, Self-esteem, and Sharing: an Introduction to the Neoliberal Condition, lecture, Cornell University, November 2013; Feher: Rated Agencies.

безопасности, защиты и даже выживания. Субъект, осмысленный и сконструированный как человеческий капитал и для себя, и для фирмы или государства, испытывает постоянный риск поражения, ненужности или заброшенности независимо от своих действий, от того, насколько он искушен и ответственен. Фискальные кризисы, сокращения, аутсорсинг, вынужденные отпуска – все это и многое другое может представлять для нас угрозу, даже когда мы были искушенными и ответственными инвесторами и предпринимателями. Эта угроза пронизывает все, вплоть до минимальных потребностей в еде и жилище, по мере того как разнообразные программы социальной защиты были ликвидированы неолиберализмом. Разложение социального на биты предпринимательства и инвестирования в себя устраняет зонтики защиты, обеспечиваемые принадлежностью будь то к пенсионной программе или политическому сообществу; только семейственность, обсуждаемая в Главе 3, остается приемлемой социальной гаванью, когда даже общественная поддержка семейной жизни, от доступного жилья до образования, сама была разрушена неолиберализмом. Более того, в политическом и моральном измерении люди-капиталы не являются кантовскими индивидами, самоценной целью, а не средством. Также особые политические права не принадлежат людям-капиталам, их статус остается неясным и несвязным. Как доказывается в Главе 5, права сами по себе могут быть экономизированы, будучи радикально изменены в содержании и применении. В качестве человеческого капитала субъект одновременно распоряжается сам собой, сам за себя несет ответственность, но тем не менее выступает инструментализированным и потенциально устранимым элементом целого. В этом отношении либерально-демократический общественный договор вывернут наизнанку.

Во-вторых, неравенство, а не равенство является средой и модусом отношений конкурирующих капиталов. Когда мы оформлены как человеческий капитал во всех своих действиях и местах пребывания, равенство перестает быть предполагаемым естественным модусом отношений друг с другом. Таким образом, равенство перестает быть априори или основой неолиберализированной демократии. В законодательстве, юриспруденции и коллективном воображаемом неравенство становится нормальным, даже нормативным. Демократия, состоящая из людей-капиталов, отмечает победителей и проигравших, а не практикует равное обращение и равную защиту. В этом отношении также общественный договор вывернут наизнанку.

В-третьих, когда все является капиталом, труд исчезает как категория, подобно своей коллективной форме, классу, забирая с собой аналитические основания для отчуждения, эксплуатации и объединения трудящихся. Их одновременный демонтаж выступает тем самым логическим обоснованием для союзов, групп потребителей и других форм экономической солидарности среди капиталов, кроме картелей. Это прокладывает дорогу оспариванию тру-

дового законодательства и другим формам защиты и привилегий, сформировавшимся в евроатлантическом мире на протяжении нескольких столетий, и, что, возможно, даже более важно, делает нечеткими основания подобных форм защиты и привилегий. Одним из примеров подобной непроясненности является растущее сопротивление общества пенсиям, выплатам по безработице, оплачиваемому отпуску и другим, с таким трудом доставшимся, достижениям работникам частного сектора в США. Другое измерение этого – отсутствие сочувствия к последствиям угрожающего жизни режима жесткой экономии, навязанного жителям Южной Европы в ходе кризиса ЕС в 2011–2012 гг. Позорная речь канцлера Германии Ангелы Меркель о «ленивых греках» в разгар кризиса важна не только потому, что она подогревала популистские настроения в Северной Европе, но также и потому, что она подавала как здравый смысл утверждение, что испанские, португальские и греческие рабочие не должны наслаждаться комфортной жизнью или пенсиями⁴⁴.

В-четвертых, когда есть только *homo oeconomicus* и когда сфера политического сама по себе представлена в экономических понятиях, вымываются основания для гражданства, заботящегося об общественном достоянии и общем благе. Здесь проблема заключается не только в том, что общественные блага перестают финансироваться, а общие цели обесценены неолиберальным разумом, но также и в том, что само гражданство теряет свою *политическую* валентность и место. Валентность: *homo oeconomicus* рассматривает все как рынок и знает лишь рыночную модель поведения; он не может помыслить общественные цели или общие проблемы в отчетливо политическом ключе. Место: политическая жизнь и государство в частности (о чем подробнее чуть дальше) изменены неолиберальной рациональностью. Замещение гражданства как заботы об общественном благе гражданством, сведенным к гражданину как *homo oeconomicus*, также элиминирует саму идею народа, демоса, утверждающего свой коллективный политический суверенитет.

По мере того как неолиберализм ведет войну против общественного блага и самой идеи народа, общественности, предполагающей гражданство, выходящее за рамки членства, он радикально истончает общественную жизнь и без уничтожения политики. Борьба продолжается за власть, гегемонные ценности, ресурсы и будущие траектории движения. Подобная живучесть политики посреди разрушенной общественной жизни и особенно образованной общественной жизни отчасти объясняет, почему современная политика столь непривлекательна и токсична – полна разглагольствований и позерства, с утраченной интеллектуальной серьезно-

⁴⁴ F. Gathman: Veit Medick, German Chancellor on the Offensive: Merkel Blasts Greece over Retirement Age, Vacation // *Der Spiegel* Online International, May 18, 2011, <http://www.spiegel.de/international/europe/german-chancellor-on-the-offensive-merkel-blasts-greece-over-retirement-age-vacation-a-763294.html>.

стью, потворствует необразованному электорату, подверженному манипуляциям, и корпоративным медиа, жадным к скандалам и жизням знаменитостей. Неолиберализм создает условия для политики без демократических институций, которые могли бы поддерживать демократическую публику и все то, что такая публика воплощает лучшим образом: хорошо информированный энтузиазм, уважительное обсуждение, суверенность, полную надежду, резкое ограничение власти, которая может ее уничтожить или подавить.

В-пятых, поскольку легитимность и задачи государства оказываются привязанными исключительно к экономическому росту, глобальной конкурентоспособности и поддержанию сильного кредитного рейтинга, либерально-демократическая забота о справедливости уходит на задний план. Экономика становится организующим и регулятивным принципом государств и постнациональных констелляций, таких как Европейский союз. Вот что стало очевидно из речи Обамы «О положении страны» в январе 2013 года: справедливость, мир и экологическая устойчивость могут быть целями лишь в той степени, в которой они способствуют достижению целей экономических. Это же было подчеркнуто действиями ЕС по выходу из кризиса в Южной Европе: благополучием миллионов было пожертвовано ради предотвращения долгового дефолта и снижения курса валюты – такова судьба гражданства, превращенного в человеческий капитал. Подобным образом не угроза общественным услугам, но влияние на рынок акций, на кредитный рейтинг Америки и ее показатели роста были ключевыми опасениями экспертов в контексте кризиса правительства осенью 2013 года и скандала в Конгрессе по поводу поднятия долгового потолка.

Успех неолиберальной рациональности в трансформации гражданства и субъекта отмечен отсутствием возмущения в ответ на новую роль государства в приоритизации, служении и поддержании якобы свободной рыночной экономики. Экономизация всего и вся, включая политическую жизнь, лишает нас чувствительности по отношению к явному противоречию между якобы свободной рыночной экономикой и государством, теперь служащим ей и полностью пребывающим под ее контролем. Поскольку государство само приватизировано, охвачено и вдохновлено рыночной рациональностью во всех своих собственных функциях и поскольку его легитимность все более зависит от способствования, спасения и управления экономикой, оно оценивается подобно любой другой фирме. В самом деле, один из парадоксов неолиберальной трансформации государства состоит в том, что оно изменено по модели фирмы, но в то же время призвано служить и способствовать экономике, которую оно, по идее, не должно даже трогать, не говоря уже о том, чтобы бросать вызов.

Отсутствие возмущения в ответ на роль государства в укреплении капитала и понижении значимости справедливости и благополучия граждан также является следствием неолиберальной конверсии демократических принципов из политического в эконо-

мический семантический порядок. Более того, воплощение принципов справедливости государством в законодательстве трансформировано неолиберальной рациональностью, когда, словами Фуко, «неолиберализм задает модели повсеместной реализации политической власти по принципам рынка... и экономическая рамка проверяет действия и оценивает валидность»⁴⁵. Когда подобная экономизация задает конфигурацию государства как менеджера фирмы и субъекта как единицы предпринимательского и инвестирующего в себя капитала, следствием является не просто сужение функций государства и гражданина или расширение сферы экономической понятой свободы за счет совместных инвестиций в общественную жизнь и общественные блага. Скорее, следствием будет транспонирование значения и практики демократических забот о равенстве, свободе и суверенности из политического регистра в экономический. Вот как это происходит.

По мере того как свобода перемещается из политической жизни в экономическую, она становится подотчетной неравенству, свойственному экономике, более того – частью того, что обеспечивает это неравенство. Гарантия равенства посредством верховенства права и участия в народном суверенитете замещается рыночной формулировкой победителей и проигравших. Свобода сама по себе сужается до рыночного поведения и отделяется от управления условиями жизни, экзистенциальной свободы и обеспечения правления демоса. Свобода, задуманная минимально как управление собой, в более сильном варианте – как участие в управлении демоса, вытесняется поведением, продиктованным рыночной инструментальной рациональностью, радикально ограничивающей выбор и амбиции. После подавления *homo politicus*, существа, управляющего собой и участвующего в управлении как часть демоса, больше не стоит вопрос, как создавать себя и какими дорогами идти в жизни. Это одна из многих причин, почему институты высшего образования теперь испытывают трудности с набором студентов на гуманитарные факультеты, обещая им раскрыть свое призвание. На самом деле ни один капитал, кроме суицидального, не может свободно выбирать свой жизненный курс и виды деятельности и быть безразличным к новшествам своих конкурентов или показателям успеха в мире неравенства и ограниченных ресурсов. Таким образом, в неолиберальном *политическом* воображаемом происходит поворот ответственности: мы больше не являемся существами моральной автономии, свободы и равенства. Мы больше не выбираем наши цели и средства для их достижения. Мы даже больше не существа с собственными интересами, непрестанно стремящиеся к удовлетворению⁴⁶. В этом отношении истолкование *homo oeconomicus* в духе

⁴⁵ Foucault: *The Birth of Biopolitics*, 131, 247.

⁴⁶ Вменение ответственности (респонсибилизация) в сочетании с капитализмом жесткой экономии заставляет нас самоинвестироваться внешне заданными способами. Однако же наше процветание не гарантировано этим самоинвестированием или ответственным поведением

человеческого капитала оставляет позади не только *homo politicus*, но и сам гуманизм.

Поскольку область и значение свободы и равенства перекалиброваны из политического в экономическое, политическая власть начинает восприниматься как их общий враг, вмешивающийся в обе сферы. Эта открытая враждебность к политическому, в свою очередь, сворачивает обещание современного либерально-демократического государства обеспечивать включение, равенство и свободу как измерения народного суверенитета. Опять-таки, поскольку каждое понятие перенесено в экономическую сферу и переосмыслено как экономическая идиома, включение превращается в конкуренцию, равенство – в неравенство, свобода – в нерегулируемые рынки, а народный суверенитет нигде не обнаруживается. Так, если сформулировать это сжато, неолиберальная рациональность выхолащивает и либерально-демократический разум, и демократическое воображаемое, превосходящее его.

Более того, в своей новой экономизированной форме неолиберальные государства пытаются максимально снизить расходы на развитие и воспроизводство человеческого капитала. Так, они замещают государственное высшее образование индивидуальными займами на учебу, социальное страхование – личными сбережениями и бесконечной работой, всевозможные общественные услуги – лично оплачиваемыми услугами, общественные исследования и знания – приватно финансируемыми исследованиями, также учреждают оплату за пользование общественной инфраструктурой. Все вышеперечисленное усиливает и далее ограничивает свободу неолиберализированных субъектов, вынужденных обеспечивать лично то, что раньше предоставлялось на общих основаниях.

Сложно переоценить значение для демократии этих изменений в целях и ориентациях государств и граждан. Конечно, они включают драматичное сворачивание общественных ценностей, общественных благ и участия народа в политической жизни. Они способствуют увеличению власти огромных корпораций создавать законы и задавать курс, преследуя собственные цели, не просто вытесняя, но неприкрыто сокращая общественный интерес. Очевидно также, что государственное управление в соответствие с рыночными метриками замещает классические либерально-демократические ценности справедливости и уравнивания разнообразных интересов. Но неолиберализация подавляет кое-что еще. Поскольку экономические параметры становятся единственными параметрами для всякого поведения и мировоззрения, ограниченная форма человеческого существования, которую Аристотель и позже Ханна Арендт обозначили как «простую жизнь», и то, что Маркс называет жизнью, «ограниченной необходимостью», – занятую выживанием и накоплением богатства, – эта ограниченная форма и воображаемое становятся повсеместными и сплошными

в силу того, что мы присоединены к порядку большего масштаба, и в его цели не входит обеспечение нашей безопасности.

для *разных* классов⁴⁷. Неолиберальная рациональность элиминирует то, что эти мыслители обозначали «хорошей жизнью» (Аристотель) или «истинным царством свободы» (Маркс), под чем они не имели в виду роскошь, досуг или потворство своим желаниям, но скорее культивирование и выражение отчетливо человеческих способностей к этической и политической свободе, творчеству, изобретению и неограниченной рефлексии. Вот что пишет Маркс:

«Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек... Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь *на* этом царстве необходимости, как на своем базисе»⁴⁸.

Для Аристотеля, Арндт и Маркса потенциал человеческого вида реализуется не через, но за пределами борьбы за существование и накопление богатства. Нам не нужно даже выходить за

⁴⁷ Н. Арндт: *The Human Condition*, Chicago: University of Chicago Press 1958; Aristotle: *The Politics* / trans. Ernest Baker. Oxford: Clarendon 1946; К. Маркс: *On the Realm of Necessity and the Realm of Freedom* // Karl Marx, *Capital, Volume Three* // *The Marx-Engels Reader* / ed. Robert C. Tucker, New York: Norton 1978. Когда я представляла отдельные части данной книги разным научным аудиториям, мое использование понятия «простой жизни» Аристотеля часто путали с понятием «голой жизни» Агамбена. Поэтому представляется важным объяснить, почему утверждение Агамбена не отвечает моей позиции. В работе «Homo Sacer» Дж. Агамбен использует понятие «голой жизни», чтобы обозначить особое позиционирование человеческих существ по отношению к закону и суверенности. Аристотель использует «простую жизнь», чтобы обозначить ограниченное существование тех, кто привязан в производству и воспроизводству человеческого существования. Он противопоставляет этому жизни граждан, которые могут реализовать свою человечность в политической и интеллектуальной жизни, обе при этом являются отчетливо человеческими сферами, поскольку они свободны (освобождены) от необходимости, заданной базовым поддержанием и воспроизводством жизни. Естественно, через подобные утверждения Аристотель онтологизирует порядок несвободы, основанный на рабстве, гендерном и расовом доминировании, и разделяет человечество на тех, кто принужден к «простой жизни», и тех, кто свободен жить «хорошей жизнью». Арндт была позорно некритична по отношению к онтологии Аристотеля. Маркс, однако, использовал деление, предложенное Аристотелем, как предпосылку освобождения: все люди должны быть освобождены для хорошей жизни.

⁴⁸ К. Маркс: *On the Realm of Necessity and the Realm of Freedom*, 441. Русский перевод цит. по: К. Маркс, Ф. Энгельс: Соч., Т. 25, Ч. 2, 386-387.

рамки либерализма в этой аргументации: для Джона Стюарта Милля также то, что делает человечество «благородным и прекрасным предметом созерцания», – это индивидуальность, оригинальность, «полнота жизни» и, превыше всего, культивирование нашей «высшей природы»⁴⁹. Неолиберализм отбрасывает это «за пределы» и уклоняется от этой «высшей природы»: нормативное правление *homo oeconomicus* в каждой сфере означает, что нет мотиваций, побуждений и надежд, отдельных от экономических, что нет ничего человеческого, помимо «простой жизни». Неолиберализм – рациональность, посредством которой капитализм в конце концов проглатывает гуманизм, не только через машину принудительного потребления и распространение стремления к прибыли, но и через формы оценивания. Поскольку распространение этой формы устраняет содержание либеральной демократии и трансформирует содержание демократии *вообще*, она подчиняет себе демократические желания и ставит под угрозу демократические мечты.

Безусловно, либеральная демократия всегда была подвержена заражению властью и смыслами капитализма. История хорошо известна: постоянно маргинализируя или сотрудничая с различными республиканскими и радикально-демократическими мятежами и экспериментами, она возникла по всей современной Европе и Северной Америке как очень ограниченная и подчиненная форма демократии. Оформленное суверенитетом национального государства, капитализмом и буржуазным индивидуализмом, содержание этой формы везде (по-разному) изобиловало внутренней дискриминацией и субординацией – помимо класса, это также относилось к гендеру, расе, религии, этничности и глобальному происхождению. Либеральная демократия содержала и империалистскую, и колониальную предпосылки. Она охраняла частную собственность, а значит – существование неимущих, способствовала накоплению капитала, а значит – массовой эксплуатации, предполагала и закрепляла привилегии буржуазного белого гетеросексуального субъекта мужского пола. Все это стало общим местом.

Однако помимо этого на протяжении столетий либеральная демократия также несла в себе – или монополизировала, в зависимости от ваших взглядов, – язык и обещание инклюзивного и разделяемого равенства, свободы и народного суверенитета. Что происходит, когда этот язык исчезает или извращается для обозначения противоположности демократии? Что происходит с ожиданием народного суверенитета, когда демос дискурсивно разлагается? Каким образом субъекты, редуцированные к человеческому капиталу, имеют доступ или хотя бы стремятся к власти народа? На что опираются радикальные надежды на демократию как деятельность людей, совместно творящих и контролирующих свои судьбы, – в качестве субъективных желаний, приводимых в движение в виде

⁴⁹ Mill: *On Liberty and Other Writings*, 59-64.

парадоксов или легитимирующих предписаний? Что если неолитеральной рациональности удастся полностью трансформировать город и душу в своих категориях? Что тогда?

Перевод с английского языка
Валерии Кораблевой

Перевод выполнен по изданию:

Brown, Wendy. Undoing Democracy: Neoliberalism's Remaking of State and Subject // Brown, Wendy. *Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution*. New York: Zone Books, 2015. P. 17-45, 223-233.